

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Пир горой

Сибирские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Пир горой

«Public Domain»

1893

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Пир горой / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1893 — (Сибирские рассказы)

«Над озером Увек спускался весенний вечер. Скиты стояли на правом, высоком берегу, в тени векового бора, от которого потянулись длинные тени. На низинах и по оврагам еще лежал рыхлый, почерневший снег, а на пригреве уже чернела земля и топорщилась прошлогодняя сухая и желтая трава. Избитая и почерневшая дорога шла к скитам от громадного селения, залегшего на низком озерном берегу верст на пять. Селение называлось тоже Увеком, как и озеро...»

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Пир горой

I

Над озером Увек спускался весенний вечер. Скиты стояли на правом, высоком берегу, в тени векового бора, от которого потянулись длинные тени. На низинах и по оврагам еще лежал рыхлый, почерневший снег, а на пригреве уже чернела земля и топорщилась прошлогодняя сухая и желтая трава. Избитая и почерневшая дорога шла к скитам от громадного селения, залегшего на низком озерном берегу верст на пять. Селение называлось тоже Увеком, как и озеро. Зимой в скиты ездили прямо по озеру, а сейчас уже выступили желтые наледи, и дорога шла горой. Именно по этой дороге и шел странник, мужик лет пятидесяти, с обветренным и загорелым лицом. За плечами у него болталась небольшая котомка, прикрепленная к берестяному обочью, какие делают в Сибири; в руках была тяжелая черемуховая палка, точно изгрызенная с одного конца, – она говорила о далеком пути.

Странник остановился на угорье и невольно полюбовался развертывавшейся перед ним широкой картиной. Да, хорошее место Увек, – недаром слава о нем прошла на большие тысячи верст, а увекские скиты привлекали к себе тысячи богомольцев. И озеро хорошо, верст на пятнадцать, а кругом лесистые горы. В дальнем конце озера зелеными шапками выделялись острова.

– Угодное место... – проговорил странник и перекрестился.

Долго он шел сюда, а теперь оставалось сделать всего несколько шагов. Вот уж приветливо смотрят бревенчатые скитские избы, и старая деревянная моленная, и целый ряд хозяйственных пристроек. Все это вместе обнесено было высоким деревянным заплотом (забором), а большие шатровые ворота всегда были на запоре. Около ворот одним маленьким волоковым оконцем глядела небольшая избушка, в которой жила сестра-вратарь. К ней и направился странник. Он постучал в оконце и помолитвовался.

– Господи, Иусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

Ответа пришлось подождать. Странник посмотрел на деревянную полочку, приделанную к окну с левой стороны, и улыбнулся. На полочке лежал кусок хлеба для заблудящего странного человека – исконный сибирский обычай. Только на второе молитвованье в окошечко «отдали аминь» и показалась старушечья голова, замотанная платком.

– Аминь, добрый человек... Кого тебе, миленький?

– А Якова Трофимыча, мать честная...

– Якова Трофимовича? Нету у нас такого, миленький.

– Как нету? Должен быть.

– А вот и нет!..

Голова быстро скрылась, а окно сердито захлопнулось. Страннику пришлось молитвоваться в третий раз и ждать дольше. Крепко живут старицы.

– Што ты привязался-то? – ворчала старушечья голова, приотворяя оконце вполчину. – Сказано, нет! Иди своей дорогой, миленький...

– А ежели у меня грамотка к матери Анфусе?..

Строгие старушечьи глаза посмотрели на странника довольно подозрительно, точно взвешивали его.

– Погоди ужо... – ответила старуха и скрылась.

Опять странник остался у ворот. Солнце уже село, и потянуло резким весенним холодком. С Увека доносился хриплый лай цепных собак, – селение раскольничье, и жили в нем по старине, крепко.

– Угодное место... – еще раз проговорил странник, подсаживаясь на приворотную скамейку. – Боголюбивые народы недаром строились. Вон как селитьба-то разлеглась, верст на шесть по берегу будет.

– Кто там хрещеный, – послышался голос в окне.

Теперь выглянуло уже другое лицо, помоложе, в черной монашеской шапочке.

– Дельце есть небольшое...

– Да ты сам-то кто будешь?

– Я-то? Ну, я, видно, дальний, а завернул в обитель с грамоткой от отца Мисаила...

Крепко наказал кланяться и грамотку прислал.

– Давай грамотку-то...

– Не могу, честная старица: наказано матери Анфусе в собственные руки, а не иначе этого.

Скитские старицы пошептались, и только после этих переговоров тяжело громыхнул монастырский железный затвор. Когда странник вошел в калитку, его еще раз осмотрели и потом уже пустили дальше.

Скитский двор занимал большую площадь, обставленную простыми бревенчатыми избами. Самая большая была келарней. Двор был вычищен, а оставшийся снег таял большими кучами в стороне. Скитницы жили уютно и обихаживали свой укромный уголок с охотой, как рабочие пчелки. Сестра-вратарь провела пришельца в ближайшую избу с высоким крыльцом, где и жила сама честная мать Анфуса.

– Ужо подожди здесь, – остановила гостя сестра-вратарь, поднимаясь на крыльцо.

В окошке показалось молодое девичье лицо и посмотрело на странника удивленными серыми глазами. Это была совсем молодая девушка, лет шестнадцати, и ее лицо казалось еще моложе от черной скитской шапочки, в каких ходят послушницы. Потом это лицо сделало знак страннику идти в избу. Послушница встретила его в полутемных сенях и повела в заднюю избу. Она была такая высокая и стройная, так что странник даже полюбовался про себя. Хороши на Увеке послушницы, нечего сказать!..

Войдя в избу, странник положил начал и, поклонившись сидевшей на лавке толстой старухе, проговорил:

– Прости, матушка, благослови, матушка...

– Бог тебя простит, странничек, бог благословит, – не по летам певуче ответила старуха, оглядывая гостя, – От Мисаила сказался?

– От его, видно, – ответил странник, добывая из-за пазухи кожаный кошель. – Вот тебе и грамотка, честная мать...

Старуха взяла сложенную трубочкой засаленную грамотку, внимательно ее осмотрела и проговорила:

– Егор-то Иваныч дожидает тебя. Нарочно сегодня пригнал из городу... Спиридоном тебя звать? Так, так... Давненько про тебя пали слухи. Аннушка, проводи ты его к Якову Трофимычу...

Послушница низко поклонилась и, опустив по-скитски глаза, вышла из избы. Спиридон, отвесив поклон честной матери, пошел за ней. Они опять вышли на двор. Девушка повела его в дальний угол, где двумя освещенными окнами глядел новенький бревенчатый флигелек, поставленный в усторонье.

– Из тайги пришел? – спрашивала послушница, легкой тенью двигаясь в темноте.

– Оттедова, голубушка... А ты кто такая здесь будешь?

– Я-то? А дочь Егора Иваныча... Мамынька-то у меня померла, ну, тятя сюда меня и отдал, под начал матери Анфусе. Четвертый год здесь проживаюсь...

– Так, так...

У флигеля пришлось опять молитвовать, пока в волоковом оконце не показалось бледное женское лицо.

– Это ты, Аннушка?

– Я, Агния Ефимовна... Вот привела к вам таежного мужика.

Окно захлопнулось. Потом где-то скрипнула дверь, и в сенях показался колебавшийся свет. Агния Ефимовна сама отворила сени и впустила гостя. Он снял шапку и вошел в низенькую горницу, слабо освещенную нагоревшей сальной свечой. У стола в переднем углу сидели два старика – один совсем лысый, с закрытыми глазами, другой плотный и коренастый, с целой шапкой седых кудрей и строгими серыми глазами. Спиридон по этим глазам узнал в нем отца Аннушки. Положив начал, он поклонился и стал у двери. Аннушка передала грамотку отцу и ушла с Агнией Ефимовной в соседнюю горницу, притворив за собой дверь.

Егор Иваныч надел большие очки в медной оправе и принялся читать грамотку Мисаила. Читал он долго, поглаживая седую бороду и изредка взглядывая поверх очков на стоявшего у дверей странника. Слепой лысый старик сидел понуро на своем месте и жевал губами.

– Ну, што? – спросил слепой, когда Егор Иваныч снял очки и начал их укладывать в медный футляр.

– А вот спросим Спиридона, – ответил Егор Иваныч. – Ну, Спиридон, што ты нам скажешь?

Спиридон тяжело переступил с ноги на ногу, опять вытащил из-за пазухи свой кожаный кошель, добыл из него что-то завернутое в тряпочку, развязал ее зубами и положил на стол. На тряпочке ярко желтело мелкое золото.

– Вот оно самое... – тихо проговорил он, оглядываясь на запертую дверь.

– Может, у бухарцев купил? – недоверчиво спрашивал Егор Иваныч, перегребая пальцем золотой порошок.

– Нет, сам добыл, Егор Иваныч... На охоте с орочоном встретился, а он мне и указал место. Могу доказать... Богачество, Егор Иваныч! Ежели бы господь благословил, так большие тысячи можно в тайге добыть...

II

Слухи о сибирском золоте ходили уже давно среди уральских раскольников, особенно среди тех из них, которые вели крупные торговые дела с киргизской степью. Егор Иваныч вырос в подручных у крупных торговцев салом, Ивачевых, и не один год провел в степи. Там, на степных стойбищах, в киргизских аулах и кибитках, он слышал десятки рассказов о сибирском золоте, скрытом в глубинах непроходимой тайги, как заветный клад. Эти рассказы переходили из рода в род, и никому еще до сих пор не удалось добраться до сокровища, несмотря на очень смелые попытки, как, например, история знаменитых братьев Поповых, положивших на это дело миллионы. Егор Иваныч успел состариться, а сокровище оставалось нетронутым. И вот теперь, когда его голова уже покрылась первым снегом, оно само пришло к нему, это сокровище. Во всей истории было что-то сказочное: и Спиридон, и старец Мисаил, и слухи, которые опередили Спиридона. Сам Спиридон не внушал Егору Иванычу доверия: мало ли по Сибири таких бродяг шатается! Просто купил у бухарцев золота и подманивает.

– Ну, вот что, мил друг, утро вечера мудренее! – строго проговорил Егор Иваныч, поднимаясь с места. – Сегодня ты ступай в Увек, там заночуешь. Третья изба с краю... Скажи, что Егор Иваныч прислал. Да смотри: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

Мужик посмотрел на Егора Иваныча исподлобья, как настоящий травленный волк, а потом свернул свою тряпочку с золотом и ответил:

– Што же тут держать-то: я никого не неволю. Дело полюбовное, Егор Иваныч.

Егор Иваныч покраснел, не сдержался и только сухо ответил:

– Што же, другим понесешь золото?

– А хошь бы и так... Ведь ты меня не купил. Говорю любовное дело. Брюхо за хлебом не ходит...

– Как ты сказал, мил человек?

– А так и сказал... Сначала коня запрягают, а потом в сани садятся. Я-то вот тыщи с три верстов отмерил до тебя, а ты меня пирожком накормил...

У Егора Иваныча глаза потемнели от бешенства, – очень уж дерзкий мужичонка, – но он переломил себя и только заметил:

– Зубы-то, мил человек, побереги. Пригодятся...

– У волка в зубе – Егорий дал! – смело ответил странник.

Когда он вышел, Егор Иваныч громко ударил по столу кулаком.

– Нет, как он разговаривает-то, челдон?! – кричал старик, давая волю накопившемуся негодованию. – Слышал, Яков Трофимыч?

– Как не слышать, – равнодушно подтвердил слепой. – Значит, вполне надеется оправдать себя, ежели такие слова выражает. И то сказать, што ему кланяться нам со своим золотом?..

– Да ведь это еще в трубе углем написано, его-то золото!.. Надо его еще найти, а он вперед на дыбы поднимается... Одним словом, варнак...

– Не велик, видно, зверь, да лапист. А Мисаил-то што пишет?

– Да вот послушай, Яков Трофимыч... Очень уж уверился старичок вот в этом самом Спиридоне. Как бы ошибки не вышло.

Егор Иваныч опять оседлал свой нос очками, развернул грамотку и только приготовился читать, как в горницу вошли Агния Ефимовна и Аннушка. Старик нахмурился и проговорил, обращаясь к дочери:

– Анна, ты иди-ко к себе в келью. Не бабьего это ума дело, штобы наши разговоры слушать...

Послушница простилась и вышла, а Агния Ефимовна, как ни в чем не бывало, под села к мужу, положила к нему руку на плечо и вызывающе посмотрела на сердитого гостя своими большими карими глазами. Егор Иваныч вскочил и грузно заходил по комнате.

– Ну, што же Мисаил-то? – спросил слепой.

– Ах, отстань!.. Терпеть ненавижу, когда, напримерно, всякая баба будет нос совать не в свое дело. Всяк сверчок знай свой шесток...

– Куда же мне идти от слепого мужа? – спрашивала Агния Ефимовна самым простым тоном. – Он как малый ребенок без меня...

– Не тронь ее, Егор Иваныч, – вступился за жену слепой. – Она у меня разумница... Не бойся, не разболтает чего не следует. Ты, Агнющка, не бойся...

– И то не боюсь, Яков Трофимыч. Не какая-нибудь, а мужняя жена. Некуда мне уходить-то...

Агния Ефимовна была еще молода, всего по тридцатому году, и сохраняла еще свою женскую красоту. Лицо у нее было тонкое, белое, нос с легкой горбинкой, брови черные, губы алые; сидение в скитском затворе около слепого мужа придавало этому лицу особенную женскую прелесть. Вывез жену Яков Трофимыч откуда-то с Волги, когда зрячим ездил по своим делам в Нижний. Егор Иваныч как-то инстинктивно не любил вот эту Агнию Ефимовну, правильнее сказать, не верил ни ее ласковому бабьему голосу, ни этому смиренному взгляду, ни ее любви к мужу. Сейчас в особенности старик ненавидел эту женскую прелесть, мешавшую делать большое мужское дело.

– Ну што же ты, Егор Иваныч? – спрашивал слепой. – Што тебе Мисаил-то пишет?

– Не мне, а матери Анфусе, – поправил его Егор Иваныч. – Дело не в письме, Яков Трофимыч... Нет, не могу я с тобой по-сурьезному разговоры разговаривать!..

Слепой тихо засмеялся, откинув назад голову. Агния Ефимовна поднялась, выпрямилась и заговорила твердым голосом:

– Ты не можешь, Егор Иваныч, так я тебе скажу...

– Ну, ну, скажи! – подзадоривал старик, усаживаясь к столу. – В чем дело, Агния Ефимовна? Поучите нас, дураков...

– Приходится, видно, поучать... Зачем Спиридона отвел сейчас? Характер свой захотел потешить? Только одно забыл, што этот Спиридон из тайги сюда три месяца шел, што ежели бы его поймали на дороге с золотом, так ни дна бы, ни покрывки он не взвидел, што... Одним словом, нужный человек, а ты ему ни два ни полтора.

– Верно, Агнющка, – поддакивал слепой. – И я то же говорил... Егор Иваныч, ты не сердчай, а у нас все заодно: у одного на уме, а у другого на языке.

– Так, так... Правильно! – иронически согласился Егор Иваныч. – Еще не скажешь ли чего, матушка Агния Ефимовна? Откедова ты это все вызнала-то, скажи-ко попервее всего?

– А сорока на хвосте принесла...

– А не сказала тебе сорока, чего будет стоить эта игрушка со Спиридоном?

– Тысяч на тридцать можно обернуться...

– А где их взять?

– Яков Трофимыч даст... Дело верное, ежели старец Мисаил одобряет. Не таковский человек, штобы зря говорить.

Егор Иваныч поднялся, прошелся по комнате, остановился около слепого и проговорил сдавленным голосом:

– Дашь, што ли, Яков Трофимыч, ежели дело на то пойдет? Мисаил-то пишет, действительно, того...

– Дать, Агнющка? – спрашивал слепой.

– Ежели старец Мисаил благословляет, так, известно, дать, – решила Агния Ефимовна. – Ему-то ближе нашего знать...

Егор Иваныч стоял и молча смотрел на мудреную бабу. Ох, велика человеческая слабость, особливо, когда бес прикачнется вот на такой лад, с бабьими лестными словами!.. И сам он то же думал, только не хотел показывать виду, а баба все и вывела на свежую воду, как пить дала...

– А ты бы, Агния Ефимовна, все-таки вышла бы лучше в свою горенку, – проговорил Егор Иваныч, выдерживая характер. – Бабье-то «так» пером по воде плавает...

– Не тронь ты ее!.. – взмолился слепой. – Она у меня вместо глаза. Поговорим ладом... Што она, што я – разговор один.

– А ежели не привык я с бабьем разговаривать? Ну, да дело твое. Немошь тебя обуяла, Яков Трофимыч. Оно и взыскивать не с кого... Я это так, к слову пришлось.

Беседа задлилась во флигельке за полночь. Говорил один Егор Иваныч, обсуждая новое дело со всех сторон. Агния Ефимовна все время не проронила ни одного слова, точно воды в рот набрала. В конце концов состоялось соглашение, и старики ударили по рукам.

– По первопутку поеду в тайгу со Спиридоном сам, – говорил Егор Иваныч. – А там, што бог даст...

Агния Ефимовна вышла провожать старика в сени и, стоя на пороге, проговорила:

– Моя любая половина, Егор Иваныч.

– Из чего это половина-то?

– А из чистых барышей...

Старик только тряхнул головой: черт, а не баба.

III

Появление Спиридона в Увек наделало шуму во всем раскольничьем мире. Молву о сибирском мужике, отыскавшем золото, разнесли по богатым раскольничьим милостивцам разные старушонки-богомолки, странники, приживальцы – вообще весь тот люд, который питался от крох падающих. Откуда могли вызнать все это проходимцы, трудно сказать, тем более, что переговоры Спиридона с Егором Иванычем происходили келейно. Как-никак, а молва докатилась через несколько дней до города Сосногорска, где жили богатые промышленники и заводчики: Огибенины, Рябинины, Мелкозеровы. По богатым палатам сосногорских толстосумов шли теперь оживленные толки, и все они сводились на Егора Иваныча, который продался слепому Густомесову. Каждому хотелось отведать сибирского золота, и каждый мог только завидовать счастью слепого Якова Трофимыча, – вот уж именно «слепое счастье». С другой стороны, всем было понятно, как совершились события: старец Мисаил, к которому пришел Спиридон, сделал засылку честной матери Анфусе, чтобы оповестила богатых милостивцев, а честная мать Анфуса давно дружила с Егором Иванычем, единственная дочь которого воспитывалась в скиту у Анфусы. Дальше уж пошло само собой: Густомесов проживал в скиту уж близко десяти лет и кормил всю обитель, – ну, Анфуса и направила к нему Егора Иваныча, а Егору Иванычу тоже не вредно, если поведет все дело на капиталы слепого хозяина – сам большой, сам маленький будет во всем. Одним словом, история разыгралась, как по писаному, и комар носа не подточит.

Нашлись любопытные, которые нарочно ездили в Увек, чтобы хоть издали поглядеть на таинственного сибирского мужика. Он проживал в избе у старухи-бобылки и показывался только на озере, куда выезжал на плотике удить рыбу. Целые дни проводил он за этим «апостольским ремеслом» и ни с кем не хотел водить знакомства. Даже в скит к Анфусе ходил редко, и то на службу. Крепкий был мужик, одним словом. Выискался было один шустрый подручный от Рябининых, который с удочкой подчалил на лодке к плотнику Спиридона, чтобы завести знакомство, но и из этого ничего не вышло, – хитрый сибирский мужик даже не взглянул на него и сейчас же поплыл к своему берегу.

– Оборотень какой-то! – ругали все сибирского мужика. – Чего он сторонится всех, как чумной бык?

Дальше интересовало всех, как обойдется Егор Иваныч со своим хозяином Мелкозеровым, у которого служил с малых лет. Мелкозеров был из сальников, вместе еще с Густомесовым вел дела в степи, а потом попал в случай: продавались железные заводы у промотавшихся наследников, и Мелкозеров купил их. Все дивились необычайной смелости Мелкозерова: дело было миллионное, непривычное, а он не побоялся. Много было волокиты и хлопот, чтобы просто купить эти заводы, потому что приобретать населенные имения могли только дворяне, а не купцы. Сильно тряхнул тугой мошной Мелкозеров и добился своего, а потом уже развернулся во всю ширь. Дело было громадное, прибыльное и сулило впереди миллионы. «Ндравный» человек Мелкозеров превратился быстро в самодура и на своих заводах являлся страшной грозой. Все трепетало перед ним, тем более, что от него зависели жестокие заводские наказания. Крут был сердцем Мелкозеров, и все боялись его, как огня. Не боялся только один Егор Иваныч, состоявший при нем зараз в нескольких должностях: он и с подрядчиками ведался, он и горных чиновников умасливал, он и всякие тайные поручения исполнял – везде поспевал Егор Иваныч, как недремлющее око. И вдруг Егор Иваныч отшатится от Мелкозерова прочь, – никто даже представить себе не мог, как это произойдет. Между тем все шло по-старому, и Егор Иваныч не подавал никакого виду: все тот же Егор Иваныч, точно ничего не случилось. Мелкозеров, конечно, уже знал о сибирском золоте и тоже не подавал виду, что знает что-нибудь. Крепкие люди сошлись.

Однако выпал роковой день, когда все разрешилось само собой. Это случилось в июле, в самую страду. У Мелкозера было два железных завода, и управляющим состоял его племянник Капитон Титыч, такой же «ндравный» и упрямый человек, как и сам старик Мелкозеров. Летнее время на заводах тихое, потому что рабочие распускались на страду. Сам Мелкозеров проживал в Сосногорске и потребовал к себе племянника для каких-то объяснений. Но вместо племянника получилась коротенькая записка: «Рыбу ловлю. Некогда. Да и говорить нам с тобой, дядя, не о чем сейчас. Капитон Мелкозеров». Вскипел старик и послал строгий наказ послушнику явиться немедленно. В ответ получилась записка еще короче: «Не хочу. Капитон Мелкозеров». Это уже окончательно взорвало старика, и он послал на заводы нарочитых людей, чтобы привезли Капитона живого или мертвого.

– Я за все в ответе! – кричал старик. – Орудуй в мою голову!..

Прежде он поручил бы это дело Егору Иванычу, а теперь обошел его. Это был явный признак опалы. Егор Иваныч не шевельнул бровью: не его воз, не его и песенка.

Итак, стоял жаркий июльский день. Егор Иваныч по обыкновению сидел в своей конторе, устроенной при громадном мелкозеровском доме. Контора выходила окнами на улицу, и Егор Иваныч видел, как к воротам подъехала простая деревенская телега, на которой сидели четыре здоровенных мужика.

– Капитона привезли!.. – пронеслось по конторе.

Все служащие так и замерли, ожидая, чем разыграется вся история. Телега въехала во двор и остановилась у крыльца. Доложили о приехавшем госте самому хозяину. Выбежал на крыльцо оторопелый подручный и проговорил:

– Капитон Титыч, пожалуйста в контору... Лаврентий Тарасыч сейчас туда придут.

– Не хочу... – ответил лежавший на телеге Капитон; он и не мог прийти, потому что был связан по рукам и ногам.

А старик Мелкозеров уже успел спуститься в контору и смотрел в окно. Он даже зашипел от ярости, услышав такой ответ.

– Как же он придет, ежели лежит связанный, – объяснил спокойно Егор Иваныч.

– Ну, ступай приведи его, дурака...

Егор Иваныч отправился, велел развязать Капитона, но тот продолжал лежать в телеге и не хотел вставать.

– Не хочу... – ответил Капитон на все уговоры.

– Несите его, щучьего сына, на руках! – крикнул Мелкозеров в окно.

Здоровенные мужики подхватили ослушника на руки и внесли в контору. Трудненько было тащить здорового мужика, но ничего, внесли. В конторе Капитон не пожелал встать на ноги, а растянулся на полу как пласт.

– Ты это што дуришь? – накинулся на него Мелкозеров. – Да я тебя в остроге сгною... запорю!.. И отвечать не буду!

– Руки короткие, – спокойно ответил Капитон. – Не крепостной я тебе дался.

Нужно было видеть старика Мелкозера в этот момент. Он весь побледнел, затрясся и со сжатыми кулаками бросился к Капитону. Трудно сказать, что произошло бы тут, если бы Егор Иваныч не загородил дороги. Гнев старика целиком обрушился на непрошеного заступника.

– Ты... ты... ты Иуда! – задыхавшимся голосом повторял Мелкозеров, позабывая о лежавшем на полу Капитоне. – Ты продал меня... Старая-то хлеб-соль забывается! Иуда...

Мелкозеров затопал ногами, зашипел и даже замахнулся кулаком на Егора Иваныча.

– Я все знаю... – уже хрипел он. – Да, все... Стакался ты со скитницами и обходишь теперь слепого дурака!

– Никого я не обходил, Лаврентий Тарасыч, – слегка дрогнувшим голосом ответил Егор Иваныч. – Тебе вот я сорок лет прослужил верой и правдой, а не имею сорока грошей. Больше

не могу... Не о себе говорю, а о дочери Аннушке... Об ней пора позаботиться. Не хочу ее нищей оставлять.

Мелкозеров даже отшатнулся от верного слуги, посмотрел на лежавшего на полу Капитона и потом проговорил, указывая на него:

– Ты сговорился с ним... Может, вместе собрались убить меня? А?!

– Зачем убивать... А только, Лаврентий Тарасыч, больше я тебе не слуга. Будет...

Это была настоящая живая картина. Центр занимал лежавший на полу Капитон, могучий мужчина с окладистой темной бородой, около него стоял Егор Иваныч, немного откинув назад свою седую голову, а против них бегал Мелкозеров – высокий плечистый мужчина с крутым лбом, огневными темными глазами и бородкой клинышком. Все они были одеты по-домашнему, в раскольничьи полукафтаны, в русские рубахи-косоворотки и в смазные сапоги.

– Сорок лет тебе я прослужил, Лаврентий Тарасыч, а теперь пора и о себе позаботиться, – продолжал Егор Иваныч. – Всякому своя рубашка к телу ближе...

Капитон в этот момент поднялся и проговорил всего одну фразу:

– И я тоже...

Мелкозеров посмотрел на обоих и сказал всего одно слово:

– Вон!..

Вся контора замерла, ожидая, какую штуку выкинет Капитон, но он только посмотрел на дядю и отвернулся.

Егор Иваныч и Капитон вместе вышли на крыльцо. Они молча прошли двор и остановились у ворот. Капитон снял шляпу, поправил кудрявые волосы, по-раскольничьи подстриженные в скобку, и, погрозив кулаком в окно конторы, проворчал:

– погоди, идол, я до тебя доберусь!..

Егор Иваныч взял его под руку и повел под гору, – мелкозеровский дом стоял на горе. Они молча прошли пол-улицы, а потом старик заговорил:

– Ну, Капитон, теперь мы с тобой на одном положении. Осенью по первопутку я выезжаю с партией в тайгу.

– Слышал...

– Ежели хочешь, поедem вместе.

– На густомесовские деньги?

– Уж это не твое дело. Попробуем счастья...

Старик боялся услышать в ответ Капитоново «не хочу», но Капитон только тряхнул головой и молча протянул руку.

– Э, где наша не пропадало, Егор Иваныч!.. Будет, поработали на прелюбезного дядюшку. Ах, так бы, кажется, пополам и перекусил его!..

– Будет, утишись. Сердце-то у вас у обоих огневое, Капитон, вот ладу-то и не выходит, а со мной уживешься.

Капитона Егор Иваныч знал с детства, когда он еще состоял при строгом дяде в мальчиках, и любил его по-хорошему, как любят хорошие люди. В упрямом мальчишке было много симпатичных сторон, а Егор Иваныч жалел его, как сироту. По-своему, по-стариковски, он больше всего ценил в нем хорошую кровь. Вот и теперь: ни на волос не сдался, хоть на части режь. С огнем другого-то такого кремня поискать...

Впоследствии Егор Иваныч тысячу раз раскаивался вот за эту сцену.

IV

Приготовления к походу в далекую тайгу заняли все лето. Нужно было собрать партию рабочих в пятьдесят человек, заготовить всякую приисковую снасть, провиант, одежду для рабочих – одним словом, все, что могло потребоваться за зиму в безлюдной тайге. Егор Иваныч точно помолодел и работал за троих. Он поднимался с зарей и хлопотал вплоть до ночи. В виде отдыха старик время от времени уезжал из Сосногорска в Увек, чтобы повидаться с дочерью, – это была последняя старческая привязанность, которая угнетала и делала рабом. Егор Иваныч, если можно так выразиться, был просто болен своей дочерью, хотя и старался по внешнему виду не выдавать себя. Он даже казался строгим отцом и делал суровые выговоры. Одна только честная мать Анфуса знала, как безумно любил старик свою ненаглядную Аннушку, – от нее у него не было тайн. Боже сохрани, чуть что попригритится девушке, старик сейчас же падал духом и рыдал, как ребенок, в келье Анфусы. Аннушка была его жизнью, светом, дыханием. Можно себе представить, как Егора Иваныча волновала близившаяся разлука на целую зиму. Пока он старался не думать об этом, как мы стараемся не думать о смерти.

Недели за две до отъезда, после Покрова, Егор Иваныч приехал в скит вместе с Капитоном. Последний, хотя и был старовером, но в скиту на Увек не бывал ни разу. От Сосногорска до озера было всего каких-нибудь двадцать верст, но Капитону все как-то не выпадала дорога именно в эту сторону. Егор Иваныч привез своего помощника с той целью, чтобы он сам переговорил со слепым Густомесовым. Все же оно лучше, а то, храни бог, помрешь в тайге и заместиться будет некем. И для Густомесова надежнее: Капитон не чужой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.